

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРЬЕР

ПАРТИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ВЫБОР РОССИИ
ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК № 1

20.05.95

Май 1995 года

Телефон/факс 209-56-72

ОБЩЕСТВО И ВЫБОРЫ

Выступление Е.Т.Гайдара на общегородском собрании (конференции)
Московской городской организации партии “Демократический выбор России”

Сегодня я хотел бы остановиться на четырех взаимосвязанных вопросах. Первое, коротко, об экономическом положении в России. Второе — о сути социально-экономического выбора, который стоит перед нами. Третье, в этой связи, о наших возможных политических союзах. Четвертое — о наших внутрипартийных делах.

Начну с экономики. Я глубоко убежден в том, что экономическая программа, которую сегодня реализует правительство, имеет серьезные шансы на успех. Инфляция идет вниз и будет идти дальше, если правительство не откажется от пройденного курса и не начнет делать опасные глупости. Есть серьезные шансы на то, что во втором полугодии 1995 года мы будем иметь устойчиво низкую инфляцию. Мы будем иметь предсказуемую динамику валютного курса, мы будем иметь снижающуюся процентную ставку и, соответственно, мы будем иметь начало экономического роста хотя бы в отдельных отраслях экономики.

Если с этого курса не сбьются, с 1996 года, особенно со второй половины 1996 года, может начаться не только стабилизация экономики России, но и начало роста производства.

Мне очень обидно, что это произойдет в 1995 и, в 1996 году, а не в 1994, когда это могло произойти. Мне очень обидно, что наша страна заплатила за экономическое образование главы нынешнего правительства дороже, чем кто бы то ни было и когда бы то ни было платил за экономическое образование. И, тем не менее, лучше поздно, чем никогда. И только потому, что мы считаем, что эта политика при технических несовершенствах, серьезных издержках имеет шансы на успех, мы поддерживали бюджет, представленный правительством на этот год. Мы поддерживали его экономический курс и голосовали против вотума недоверия пра-

вительству. Это стоило нам, наверное, каких-то политических дивидендов, упущенных выгод, но я убежден, что это единственно достойная и разумная позиция.

Именно поэтому мы считали возможным, несмотря на разногласия по принципиальнейшим вопросам, участие наших единомышленников в работе правительства. И считаем это возможным по-прежнему.

Мы убеждены, что успех экономической политики правительства — это важнейшая предпосылка возможности остановить эстремистов от их прорыва к власти на следующих парламентских и президентских выборах. В этой связи никто больше нас с вами не заинтересован в том, чтобы этот успех был, вне зависимости от того, кто его “приватизирует”.

И именно потому, что экономика России, кажется, наконец приближается к стабилизации, именно потому, что, наконец, мы начинаем, кажется, выходить из тяжелейшего экономического кризиса, есть основание поговорить о принципиальных, стратегических вопросах. Когда корабль получил пробоину, главная задача в том, чтобы ее ликвидировать и откачать воду. Когда это сделано, полезно подумать: а куда, собственно, держит курс корабль, какие стратегические ориентиры у этого судна? И вот теперь, когда, кажется, появляются признаки экономической стабилизации, можно сказать о том, что капиталистическая революция, которая началась в 1991 году, завершилась успехом. Капиталистическая экономика в России состоялась, стала реальностью.

Как либерал, я противник любых революций. Я считаю эту революцию также страшной трагедией России. Я считаю ее платой за

неспособность коммунистической элиты, коммунистического режима обеспечить мягкий выход из социализма. И тем не менее я горд тем, что мне довелось принимать некоторое участие в борьбе за победу этой капиталистической революции. Если вы спросите меня, нравится ли мне тот капитализм, который сформировался в России, я вам скажу — конечно, нет. Он отвратителен и ужасен. Он вороват и социально несправедлив.

Мог ли он быть другим? Честно говоря, думаю, что нет. При своей наследственности, при тех страшных родимых пятнах, которые оставил социализм, при том повороте, который произошел на рубеже 1992—1993 годов, он другим быть и не мог.

Он нравится мне, да и многим здесь присутствующим, ничуть не больше, чем господину Говорухину. Другое дело что я, например, прекрасно понимал, каким будет этот российский капитализм после краха коммунизма, в тот момент, когда он снимал известный нам всем фильм “Так жить нельзя”.

Что же теперь делать с этим капитализмом? Здесь есть три пути и три серьезные социально-политические силы, которые выступают за каждый из этих путей. Вот по существу вокруг этого выбора и будет происходить политическая борьба в России на протяжении ближайших месяцев и лет.

Кому нравится этот капитализм? Я могу сказать. Есть мощная социальная сила, которой именно этот капитализм нравится больше, чем любой другой. Эта социальная сила — российское чиновничество. Тот капитализм, который возник, можно с полным правом назвать чиновничьим капитализмом. В нем уже разделены государственная и частная собственность. Частная собственность уже существует. И они вместе с тем неразрывно слиты.

Отсутствие прозрачности механизма государственной власти, крупномасштабные возможности разбазаривания государственных средств открывают огромный неограниченный потенциал перераспределения государственных средств в пользу дружественных частных компаний и фирм. Одна рука в кармане государства, другая в кармане дружественной частной фирмы и перекладывание денег из одного кармана в другой — это идеал чиновничьего капитализма. И отсюда бурно разрастающийся чиновничий аппарат. И отсюда промедление в совершенно очевидных институциональных реформах. И отсюда явно

разный подход — индивидуальные льготы для тех или других секторов экономики, частных фирм и предприятий.

Короче говоря, существующий вариант капитализма — это мечта чиновничества. Это самая благоприятная социальная среда для его существования и функционирования.

И естественно, что в такой ситуации должна была сформироваться партия, которая защищает интересы именно этого выбора для России — партия власти. Партия власти, которая на своих знаменах пишет одно слово: стабильность. Когда проходил съезд движения “Наш дом — Россия”, один из выступающих очень откровенно сказал: властвующие тоже хотят побороться за свою власть, за ее сохранение. И эта правда — они хотят, имеют основание и будут бороться. Это — нормально.

Блокирует ли такой капитализм возможности для экономического роста? Нет. Здесь надо сказать откровенно: нет, не блокирует. Экономический рост и в рамках такого варианта развития возможен. Он будет не очень быстрым, результаты его будут распределены социально несправедливо. И, тем не менее, это все равно открывает возможности на пути самого эффективного экономического развития на капиталистической, рыночной основе. Но сама несправедливость, предельно вопиющая несправедливость распределения результатов этого роста, сама вороватость этого капитализма, конечно, дает блестящие аргументы, козырные карты тем, кто хочет играть на антикапиталистической и радикально-националистической риторике. И именно это определяет потенциал возможностей укрепления позиций коммунистической партии и ее объективных союзников. Процесс, который мы должны хорошо видеть, и отдавать себе отчет в том, насколько он серьезен.

Конечно, не надо иллюзий, нынешняя КПРФ — это никакая не внесистемная позиция, это в некотором смысле часть истеблишмента. Большая часть ее руководства как село в 25 лет в черную “Волгу”, так до сегодняшнего дня из нее и не вылезит. Это люди, которые хотят использовать социальный протест, оправданное социальное недовольство людей происходящим, для того, чтобы пробраться к власти и захватить в ней ключевые позиции.

Хотят ли они построить социализм и восстановить вновь тоталитарный экономический и политический режим? Честно говоря, не думаю. Не могу, конечно, этого исключить, но не

думаю. Уж слишком тесно они связаны сегодня собственными коммерческими структурами, собственными коммерческими интересами. Нет, скорее всего этого они не хотят. Но они хотят другого и это тоже очень опасно. Если вы посмотрите основные программные документы коммунистов, там сквозит идея “грабь награбленное”. Там ключевые слова — это “национализация несправедливо нажитой собственности”. По всей видимости, придя к власти, они собираются национализировать, на их взгляд, неправильно нажитую собственность, то есть собственность, нажитую не связанными с ними коммерческими структурами, и передать ее в руки тем, видимо, кто “справедливо” ее нажил — своим коммерсантам.

Но надо понять, что само насильственное перераспределение собственности — это всегда революция. Социально-экономическая революция по своей природе. А революция — это кровь. Я разговаривал, к примеру, в регионах с десятками фермеров, и среди них были очень сильные, которые на это поставили себя, свои семьи. Они в один голос говорят: нет, мы своего так не отдадим, будем стрелять при необходимости. И уже очень много людей, которые вот так просто ничего не отдадут. Сколько понадобится крови, чтобы отобрать — неизвестно, но совершенно ясно, что революция — это хаос в отношениях к собственности, это страшный удар по экономике и социальной ситуации в России. Это риск войны гражданской, и войны внешней. Это, конечно же, гарантированная блокировка любых возможностей экономического роста, так как никто и никогда не будет вкладывать свои деньги в частные предприятия, зная, что их могут конфисковать. И в той связи такая угроза представляется мне, пожалуй, наиболее серьезной.

И, наконец, третья позиция. Это позиция тех, кто заинтересован в нормальной, цивилизованной эволюции нынешнего капитализма, в том, чтобы сделать его гораздо более честным, прозрачным, с тем, чтобы ввести нормально существующие в мире и отнюдь не являющиеся изобретением антикоррупционные механизмы, такие как тендеры при государственных закупках и многие другие. Я говорю про те силы, которые заинтересованы в том, чтобы государство служило обществу, а не общество было рабом государства, которые выступают за постепенный процесс приспособления капитализма к нуждам российских людей, к нормальной жизни, для

того, чтобы в этом капитализме было нормально и удобно жить. Это те силы, которые условно можно назвать демократами. Они не отказались от этого слова, сколь бы сегодня не пытались сделать его бранным, ругательным и непопулярным.

Вот, собственно, эта ключевая альтернатива, стоящая перед Россией, на мой взгляд, должна определять и наши политические позиции, потому что не конъюнктура, а принципы здесь самое главное. И в этой связи, конечно, первая и главная задача для нас — это остановить войну и революцию. Это программа-минимум. И в решении программы-минимум мы, без всякого сомнения, должны и можем сотрудничать с партией власти.

В конце концов я знаю одну выборную кампанию, которая велась под лозунгом: “Лучше вор, чем фашист!” И в общем, как это ни горько и ни печально, может быть в этом есть истина. Поэтому еще раз подчеркну: мы не должны закрывать для себя возможности сотрудничества и коалиций в решении главной, стержневой, принципиальной задачи — предотвращения революции и войны в России. И, вместе с тем, я глубоко убежден, что наше братание с партией власти, отказ от своих стратегических позиций и разногласий было бы фатальной ошибкой для демократического движения. В конце концов кто-то должен нести знамя борьбы за нормальное демократическое цивилизованное общество. Не понимаю, почему мы должны от него отказываться.

Нас разделяет с нынешней партией власти целый ряд очень серьезных разногласий. Мы не принимаем того, как партия власти считает возможным распределять социальное бремя издержек и финансовой стабилизации и в целом, экономической трансформации.

Когда обсуждался бюджет на 95-й год, наша фракция наиболее энергично боролась за увеличение финансирования науки, при сокращении расходов на дотации и субсидии, колоссальная часть из которых разворовывается.

По результатам первого квартала расходы субсидий, скажем, АПК профинансировано на 200 процентов, расходы на науку на 62 процента. Я не могу понять этой логики. Я не могу понять логики, в соответствии с которой возникают мощнейшие, крупномасштабные преференции для отдельных сфер и отраслей экономики, просто потому, что они тесно связаны с властью.

Я не понимаю почему у нас должны существовать составляющие десятки триллионов рублей фонды, такие, как фонд финансовой стабилизации Газпрома, размеры которого примерно в 15 раз превышают все ассигнования из федерального бюджета на финансирование российской культуры. Я не понимаю этой логики и не могу ее принять.

Мы категорически не согласны с поразительным промедлением в осуществлении давно назревших антикоррупционных мероприятий. Хотя бы таких, как перевод финансирования Вооруженных Сил на казначейство, позволяющее обеспечить реальный финансовый контроль, или переход к тендерной системе распределения заказов на государственные закупки, позволяющей, как показывает практика, на 30-40 процентов сокращать реальные расходы на соответствующие закупки. Есть много других направлений, давно назревших и поразительно медленно реализуемых. И мы не можем об этом молчать и не можем с этим соглашаться.

Мы не можем соглашаться с тем, как бурно, словно на дрожжах, растет государственный аппарат, как в нем сохраняются крупномасштабные звенья, функциональное назначение которых в нынешних условиях не понятно мне, как бывшему главе Правительства. И одновременно не формируются структуры жизненно необходимые именно в условиях рынка. Когда у нас крупнейшие монополии регулируют сами себя, то это издевательство над логикой рыночной экономики.

Разумеется, мы не можем согласиться с полной остановкой реформы в аграрном секторе, с тем, что ее пытаются подменить крупномасштабными субсидиями, большая часть из которых никогда до крестьян не доходит. Так и оседают в коммерческих структурах.

Реально сегодня сложилась ситуация, при которой аграрный кризис больше всего нужен именно тем, кто зависит от распределения аграрных субсидий.

Складывается обидный порочный круг. Аграрный кризис, крик о гибели села, выбивание из бюджета крупномасштабных субсидий, направление этих субсидий в коммерческие структуры. Коммерческие структуры используют их, разумеется, не для того, чтобы расплачиваться с крестьянами, обкладывают их спекуляцией на валютном рынке и на рынке ГКО. Крестьяне не получают деньги за сданный урожай. Аграрный кризис углубляется. Новые крики об обнища-

нии села, требования дополнительных ассигнований. Полученный круг для меня сегодня ясен, прозрачен. И мы категорически не можем согласиться с продолжением подобной порочной политики.

Наконец, у нас, разумеется, есть очень серьезные разногласия с существующей властью по проблемам военной реформы.

Фактически ничего не делая для военной реформы, не реализуя имеющиеся здесь, совершенно очевидные, возможности и резервы сокращения параллельных и дублирующих структур, сокращения численности армии за счет ликвидации обслуживающих подразделений, ненужных в условиях рыночной экономики, нынешнее Правительство пытается подменить это увеличением срока службы, по существу, подгоняя численность военнослужащих под существующие военные структуры, вместо того, чтобы их реформировать.

Это политика, с которой я, например, никогда не соглашался и сейчас не вижу оснований соглашаться.

И наконец, нас, разумеется, разделяет вопрос о трагических событиях в Чечне, о начатой там войне, которая обошлась россиянам уже в десятки тысяч жизней, создала кровоточащую рану на теле России, и пагубные результаты которой с каждым днем становятся все более и более очевидными.

Этот вопрос для меня тоже не является второстепенным, на него нельзя закрыть глаза, формируя те или иные политические блоки и коалиции.

Таким образом, наша позиция, как мне кажется, должна быть и может быть и принципиальной, и прозрачно ясной. Да, в борьбе за программу минимум, за то, чтобы остановить войну и революцию, мы разумеется, готовы к любым политическим союзам. Но в борьбе за цивилизованный российский капитализм, за демилитаризацию российского общества, за создание предпосылок социально справедливого, устойчивого российского развития мы должны нести свое знамя и не должны никому его отдавать.

Следующий момент — единство демократов. Честно говоря, до самого последнего момента я был абсолютно спокоен за единство демократов на следующих выборах.

Я знал, что при всех наших прошлых разногласиях с ЯБЛОком, (а давайте все-таки говорить честно, — сегодня две представленные в парламенте фракциями крупные демократические

силы — это “Выбор России” и “ЯБЛоко”) по принципиальным сегодняшним вопросам мы находим все больше взаимопонимания.

И поэтому был убежден, что мы сможем договориться о тесном взаимодействии на выборах. Тем более, что представители ЯБЛока неоднократно обращались ко мне, к моим коллегам по фракции, с неформальными консультациями о том, можно ли будет добиться объединения демократических сил, если ценой за это объединение будет наше согласие выдвинуть Григория Алексеевича Явлинского объединенным кандидатом в президенты.

Так как я хорошо знаю притчу о соломоновом суде — двух женщинах и ребенке, то в споре о том, кому дороже всего российская демократия, я всегда был готов встать на позицию женщины, которая говорит: он твой. И был готов поддержать кандидатуру Григория Алексеевича Явлинского, если в результате мы получаем единство демократических сил и идем на выборы стройными колоннами, а наши избиратели понимают, наконец, что демократы готовы чем-то поступиться ради единства. Я убежден был, что это даст нам огромный эффект объективности, это создаст новую серьезную позитивную волну, ощущение понимания того, что абсолютно не неизбежным является триумф коммунистов и фашистов на следующих выборах.

К моему огромному изумлению, когда, наконец, мы приняли это предложение, Григорий Алексеевич на протяжении следующих двух дней забрал его обратно и начал подробно объяснять, почему единство ЯБЛока и Демвыбора России невозможно ни при каких условиях.

Ну что ж, я не могу это оценить иначе, как предательство.

Я думаю, что наши избиратели по достоинству оценят эту позицию, на мой взгляд, просто безответственную и деструктивную. Это, разумеется, не облегчит нашу борьбу на следующих выборах. Это, разумеется, тяжелый удар в спину демократическим силам. Но, тем не менее, я убежден, что мы должны и в этих условиях нести свое знамя и не отказываться от него. Если союз с ЯБЛоком невозможен, значит мы должны объявить о создании на базе существующих, имеющих региональные структуры демократических организаций, нового избирательного объединения, нового избирательного блока и начать переговоры сейчас с теми из них, кто готов вместе с нами идти на следующие выборы.

Идти, разумеется, с общей принципиальной

позицией, разделяя наши принципиальные программные установления и, конечно, в первую очередь мы предполагаем начать консультации с теми организациями, которые действительно не являются московскими салонными, а которые имеют развитую региональную сеть, которые представляют серьезный электоральный организационный потенциал.

Такие переговоры, я думаю, мы в ближайшее время начнем.

Присутствующие должны понять одно обстоятельство. Оно еще не всеми осознанно. Несколько дней тому назад Президент подписал Закон о президентских выборах. И там есть положение, возлагающее на нашу партию огромную ответственность. Для того, чтобы быть выдвинутым кандидатом в президенты, нужен миллион подписей, причем не более 70 тысяч из одного региона. Те, кто участвовал в политических кампаниях, представляет себе насколько это тяжелая и огромная работа. Я убежден, что сегодня она посильна, конечно, коммунистам, и они выдвинут своего кандидата. Она, конечно, посильна аграриям, и они выдвинут своего кандидата. Она, конечно, посильна партии власти и они выдвинут своего кандидата.

Я думаю, что единственная из демократических организаций, которой при огромном напряжении сил, и большой организационной работе в принципе посильна эта задача — это “Демократический выбор России”. И отсюда надо понять, что, видимо, у нас действительно будет один кандидат в президенты, и вопрос о том, кто будет этим кандидатом, нам придется решать на Съезде “Демократического выбора России”.

Убежден, что подходить к решению этого вопроса мы должны с позиций ответственности, с широких общедемократических позиций, не выдвигая здесь на первый план свои узкопартийные интересы. Я думаю, что мы можем позволить себе не торопиться с решением этого вопроса. Следует провести широкие консультации с другими демократическими силами, с российским обществом, поработать и поговорить в регионах с тем, чтобы предложить обществу ответственного и сильного кандидата, которого мы все вместе поддержим и постараемся сделать реальным кандидатом в президенты России. Это огромная ответственность, которая ложится на наши плечи. Очень хочется, чтобы наша партия оказалась на ее уровне.

Несколько слов о внутривнутрипартийных делах. Надо признать, что период между началом че-

ченской войны и сегодняшним днем, когда образован блок "Наш дом — Россия", был периодом кризиса в нашей партии. Кризиса понятного и, видимо, неизбежного. Дело в том, что все-таки наша партия, в какой-то степени создавалась, как некая возможная коалиция партии демократии и партии власти. И в ней было довольно много людей, которые, может быть, по ошибке или по другим причинам, думали, что они пришли в партию власти, в партию российского чиновничества.

Когда с декабря стало ясно, что это не так, пошел естественный процесс размежевания. И в рамках этого процесса наша фракция в Думе потеряла 20 депутатов из 74, и в целом ряде организаций некоторые наши бывшие сторонники перешли или переходят под знамена партии власти.

Должен сказать, что воспринимаю этот процесс как абсолютно естественный, больше того — благотворный для нашей партии.

Ни в коей мере не хочу одной краской мазать всех. Есть люди, которые действительно являются идейными сторонниками партии власти, ошиблись и сейчас перешли туда. Но вместе с тем, наблюдая за ситуацией во многих организациях, в том числе региональных, я вижу, что как раз тех людей, которые, как мне казалось, могут скомпрометировать нашу партию или компрометируют уже, тех, от которых мы не знали, как избавиться — их сейчас как пылесосом вытаскивает из нашей партии.

Мне кажется, что из этого размежевания наша партия может и должна выйти значительно более сплоченной, значительно в большей степени партией единомышленников, значительно в большей степени партией, которая может всерьез претендовать на право называться партией честных людей.

Надо признать, что следующие выборы будут (я имею в виду парламентские и президентские), для нас очень тяжелыми, может быть, максимально рискованными для России. Вся тяжесть революции уже за плечами общества. Почти все возможные благоприятные результаты реформ еще впереди. Возможности радикальной антикапиталистической риторики широчайшие. Еще активно поколение людей, которых довольно легко обмануть вновь мелькающими красными флагами и социалистическими идеалами и на базе этого обмана прорваться к власти.

Если нам удастся не проиграть на этих вы-

борах и не отдать власть безответственным авантюристам, есть твердая надежда на то, что развитие России на базе рынка, начинающийся экономический рост, объективные возможности финансирования социальных программ навсегда закроют для этих сил путь к власти.

В этой связи перед нами тяжелое испытание. Мы должны быть на уровне своей ответственности. И, вместе с тем, надо четко себе представлять — историческая правда за нами! Историческое будущее за нами! Нам бы только день простоять и ночь продержаться!

20 мая 1995 года